

ный журнал. 2013. № 4. С. 30–32.

13. Савина Т.В. Методика повышения качества и эффективности информационных услуг на осно-

ве проблемноориентированного подхода // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. 2012. № 22. С. 125–128.

TYPES OF EDUCATIONAL-COGNITIVE ACTIVITY IN BIOLOGY TEACHING: TEACHING AND METHODOLOGICAL CHARACTERISTICS

©2014

N.G. Bobrova, Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Department of Botany, General Biology, Ecology, Biological and Ecological Education
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: Getting students involved in the educational process is what the latest educational standards presuppose. The article considers the didactic and methodological characteristics of students' educational and cognitive activity in biology classes, which will stimulate both mastering the subject and students' personal advancement.

Keywords: research; medical and health activities; information activities; arts and crafts activities.

УДК 93/94

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (1862-1870 гг.)

© 2014

Г.Ю. Бурдина, кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка, литературы, художественно-эстетических дисциплин и методик их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: В статье проводится краткий обзор процесса подготовки и принятия закона «Городового положения» 1870 года; анализируется процесс его обсуждения в течение восьми лет до утверждения закона; дается характеристика взглядов правительства на избирательную систему, на структуру городских органов самоуправления, их основные функции.

Ключевые слова: городская реформа; органы общественного самоуправления; пореформенный период; «Городовое положение» 1870 года; закон об избирательных правах; городские избиратели; гласные; городская дума; управа; голова; общество.

Социально-политическое развитие нашей страны на протяжении последних двух десятилетий выдвинуло на повестку дня ряд актуальных проблем, в том числе вопрос о функционировании института местных органов управления. Осмысление исторического опыта городского самоуправления необходимо для критического анализа и учета реалий современного процесса модернизации в России.

Вторая половина XIX века занимает особое место в российской истории. Ход всего предшествующего развития подвел страну к неизбежности разрушения феодально-крепостнической системы. Это связано с тем, что буржуазный по своей сути пореформенный период, продолжавшийся с 1861 по 1892 годы, характеризуется как процесс роста крупных торгово-промышленных индустриальных центров. Изменения в социальной стратификации городского населения способствовали возрастанию роли городов не только в экономической, но и в общественно-политической жизни государства. Это, в свою очередь, приводило к усложнению процессов их жизнедеятельности и управления. В это время в политике правительства, объективная сущность которой заключалась в приспособлении к буржуазному развитию страны, важное место начинают занимать вопросы, связанные с преобразованием внутреннего городского управления и ведением муниципального хозяйства. С этой целью правительством вслед за крестьянской, военной, судебной и земской реформами была провозглашена и городская, которая в исторической науке получила название городской реформы 1870 года.

Деятельность городского самоуправления как важнейшей составляющей системы местного управления в Российской империи является самостоятельной научной проблемой в отечественной истории. Следует заметить, что основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского управления вплоть до 70-х годов XIX столетия, являлась «Жалованная грамота Екатерины II», изданная еще в 1785 году. Некоторые ее положения претерпели значительные изменения с течением времени, но при этом

формально продолжали существовать как законодательные нормы. В результате такого положения дел городское законодательство давно уже перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и становилось серьезным препятствием в ведении городского хозяйства на местах.

В дореформенные годы социальная структура в российских городах была следующей. Все жители делились на «обывателей вообще» и «обывателей в особенности». К первой группе относились все постоянные жители города. Ко второй – лица, принадлежащие к таким сословиям, как почетные граждане, гильдейское купечество, мещане (или посадские люди), ремесленники, рабочие. При этом существовавшее законодательство не давало четкого ответа на вопрос, каких обывателей – «вообще» или «в особенности» – считать принадлежащими к городскому обществу. Лишь в процессе подготовки нового закона – будущего «Городового положения» 1870 года (во главе с Министерством внутренних дел, далее – МВД) этот вопрос был четко сформулирован. Отныне его полноправными гражданами являлись представители второй категории, то есть «обыватели в особенности» [1, с. 178]. При этом в состав городского общества не вошли представители таких социальных слоев, как лица дворянского звания, разночинцы и сельские обыватели. Забегая вперед, отметим, что это впоследствии пагубным образом сказалось на результатах выборов и деятельности всей системы местного городского самоуправления.

Структура общественного управления в городах Российской империи до 1870-х годов выглядела следующим образом. Согласно установленному закону она состояла из «собрания городского общества», «общей думы», а также «шестигласной думы», подчинявшейся непосредственно городскому голове (главе города). Но на практике картина была несколько иной. Так, в начале 60-х годов XIX века в сведениях, поступающих в МВД с мест, в числе городских учреждений назывались только собрание городского общества и общая дума. При этом роль распорядительного органа исполняло го-

родское собрание. Его члены собирались для вынесения каких-либо постановлений, избрания должностных лиц и некоторых других вопросов. Гласные думы отвечали за все текущие дела в городе. Что же касается шести-гласной думы, то в ее составе и функциях были выявлены определенные нарушения. Во-первых, численность ее членов была неодинаковой: она или ограничивалась двумя-тремя представителями, или, наоборот, превышала количество, установленное законом, и включало шесть человек (отсюда и название – «шестигласная»). Ее члены должны были избираться от всех основных городских сословий. В действительности же гласные, как правило, были представлены в ней только мещанами и купцами, а иногда и одними купцами. При этом исполнительные функции в осуществлении городского общественного управления нередко вообще находились фактически «в руках» чиновников Канцелярии, поскольку купцы, избранные в думу, чаще всего не обладали даже «элементарной грамотностью» [2, с. 12]. Если рассматривать ситуацию с городским общественным управлением в целом, то в период, предшествующий пореформенному, служба на выборных должностях считалась вообще мало престижной и крайне обременительной, (во многом благодаря доведенной почти до абсурда ее централизации). Решение чуть ли не каждого вопроса требовало санкции от центральной власти. Вследствие этого, как писал в своем отчете Императору министр внутренних дел в 1858 году: «Лица городского общества прибегают к различным, иногда даже противозаконным средствам, чтобы только уклониться от должностей, даже самых почетных, например, городского головы. Они жертвуют для сего значительные суммы денег в благотворительные заведения; нанимают вместо себя других; представляют свидетельства о болезни; не являются на службу по целым годам и высылаются иногда на оную через посредников полиции» [3, с. 288].

Известно, что подготовка по преобразованию местного городского управления началась еще в 1840-е годы, но в это время только Петербург получил право на самоуправление (1848 год). Лишь в 60-х годах, а именно в начале 1862 года, в результате многочисленных ходатайств горожан такого же права добилась Москва [4, с. 92–93]. Однако такие «половинчатые» меры не могли повлиять на общее положение в городском хозяйстве в целом по стране. Поэтому в этом же году МВД вошло в Государственный совет с представлением об общей реформе городского самоуправления.

Первый вариант проекта новой реформы был подготовлен в 1864 году. Считается, что по своему первоначальному содержанию он был достаточно прогрессивным, так как идеологически готовился в общем русле буржуазных реформ этих лет. Он базировался на новом для страны принципе «всесословности» при выборах в представительные органы городского управления на местах. Однако известное трагическое событие 4 апреля 1866 года (покушение Д. Каракозова на жизнь императора Александра II), ставшее поворотным моментом в отношении царского правительства к провозглашенным реформам, не могло не сказаться и на судьбе городского реформирования. Не успев принять форму закона, проект был подвергнут пересмотру (с целью введения охранительных гарантий). Но и этот проект не стал еще окончательным вариантом. Он был вторично отправлен на доработку в Государственный совет. И лишь 16 июня 1870 года третий вариант проекта был утвержден и подписан Императором, получив, таким образом, силу закона [5].

В результате столь длительного обсуждения подготовка городской реформы затянулась почти на 8 лет. За эти годы общественно-политический климат в стране претерпел достаточно серьезные изменения. Усилились некоторые реакционные тенденции в политике правительства, что, безусловно, не лучшим образом отразилось и на судьбе городов в пореформенный период от-

ечественной истории.

Напомним, что закон о городском общественном управлении, получивший название «Городового положения» 1870 года, состоял из трех основных разделов: избирательного закона, а также положений, определяющих его структуру и компетенцию. Чтобы понять суть изменений, произошедших за эти годы, необходимо проследить их в соответствующей динамике.

Поскольку правительство понимало необходимость предоставления органам местного городского самоуправления некоторой самостоятельности в решении хотя бы каких-то вопросов, то в первоначальном проекте реформы первостепенное значение придавалось закону об избирательных правах. Он был призван во многом «предопределить» состав городских избирателей и их социально-экономические интересы. В соответствии с проектом 1864 года в состав членов городского общества включались все постоянные жители города, которые имели какие-либо повинности с принадлежащих им недвижимых имуществ или производимых ими торгов и промыслов, независимо от сословия. Участвовать в выборах могли владельцы недвижимой собственности и лица, уплачивающие сбор с купеческих свидетельств (1-й и 2-й гильдий), промысловых на мелочный торговый документ и билетов на содержание торговых и промышленных заведений. В связи с тем, что минимальный ценз для участвующих в выборах установлен не был, к их участию оказались допущенными и представители малоимущей части горожан. Но чтобы ограничить их реальные избирательные возможности, в нем был прописан принцип соразмерности участия в управлении количеству уплачиваемых налогов. Суть заключалась в дифференциации избирателей на три группы или «отдель» (с равными общими суммами платежей), расположенных в порядке уменьшения размера уплачиваемых налогов. Каждой из этих групп предоставлялось право выбора одинакового количества гласных. Этому было дано следующее разъяснение: если в городе находится «всего 1000 лиц, имеющих право голоса, общая сумма ими уплачиваемых повинностей составляет 30 000 рублей, то если первая треть этой суммы упадет на 50 лиц, платящих от 100 до 500 руб., то эти 100 лиц составят второй отдел. Третий отдел будет состоять из остальных 850 лиц, платящих менее 25 руб. каждый» [6, с. 9]. Таким образом, неравные по количеству людей группы получали в конечном итоге одинаковое представительство. В результате такого деления создавалось гражданское неравенство для избирателей разных групп (с целью ограничения влияния на городские дела самого многочисленного «третьего разряда»). Далее оговаривалось, что в городах с населением более 10 тысяч человек в первую группу должны были войти владельцы собственности не менее 7 тысяч рублей, во вторую – от 3 до 7 тысяч рублей, в третью – менее 3 тысяч рублей. К первому разряду избирателей были отнесены купцы 1-й гильдии, ко второму – представители купечества 2-й гильдии, а к третьему – лица, торгующие по промысловым свидетельствам и билетам. В городах, в которых население было меньше, чем 10 тысяч человек, устанавливались более низкие градации стоимости недвижимости. Этим фактом в какой-то мере снималась бросающаяся в глаза диспропорция численного состава той или иной групп лиц. Но цель, преследуемая указанным делением избирателей, оставалась прежней. «Является необходимостью, – оговаривалось в разъяснительной записке к проекту, принять меры к соразмерному в отношении к отбываемым повинностям распределению между городским населением избирательного права. В противном случае заведование городскими делами должно будет неминуемо сосредоточиться в руках низших слоев населения городов» [7, с. 3]. Уплата других видов сборов избирательных прав горожанам не представляла. Таким образом, в число избирателей не попали наемные рабочие, а также представители наиболее

образованной части горожан: инженеры, врачи, преподаватели, чиновники, не имевшие в городе собственных домов, так называемые «квартиронаниматели». Благодаря такой выборной системе провозглашенный принцип всесословности несколько трансформировался. Как отмечал известный дореволюционный историк Д.Д. Семенов, принцип «кто платит налог, тот и участвует в самоуправлении» был фактически заменен на другой: «который избиратель более платит, тот и имеет больше прав» [8, с. 136–137].

В связи с обсуждением проблемы о социальном составе избирателей долгое время решался вопрос о квартирном налоге. Он представлял интерес с двух важных позиций: рассматривалась его значимость для пополнения городской кассы, а также его реальная возможность для расширения списка круга избирателей. В итоге, в мае 1870 года, в переработанный вариант проекта была включена дополнительная статья, носящая достаточно расплывчатый характер: «По установлении в некоторых городах ... сбора с квартир или жилых помещений министр внутренних дел представит на разрешение законодательным порядком свои предложения о распространении права на участие в выборах на лица, обложенные сим сбором в определенном размере» [9, с. 232–233]. Из чего следовало, что вопрос о включении квартиронанимателей в состав избирателей мог решаться применительно к каждому городу отдельно (только с личного разрешения министра внутренних дел), или мог быть оставлен без внимания (тоже по его усмотрению).

Следует заметить, что этот один из важнейших недостатков реформы, заложенный в ее избирательном законе, стал очевидным буквально уже с первых выборов в реформированные органы городского самоуправления. Так, гласный самарской думы П.В. Алабин, отмечал в итогах работы думы первого созыва, что не совсем верным является положение дел, когда каждый купец, имеющий «приказчицье» свидетельство, приобретенное за несколько рублей, вносимых в доход города, располагает правом голоса, а лица, занимающиеся свободными профессиями или имеющими диплом на ученую степень – лица, которые могли бы принести городу «действительную пользу своим участием в его делах, потому только, что они не имеют имущественного ценза, лишаются права голоса в городских делах» [10, с. 622]. В связи с этим Д.Э. Летняков считает, что цензовый принцип (утвержденный новым законом) «отрезал» от участия в муниципальной деятельности значительные категории населения, которые, как правило, не имели в городе своего жилья, поэтому проживали на съемных квартирах: рабочие, интеллигенция, служащие и некоторые другие. «Невключенность» в общественную жизнь новых институтов местного самоуправления этого достаточно значительного социального «пласта» разночинной интеллигенции, которая являлась самой образованной и активной частью городского общества, предопределила одну из важных причин «незавершенности гражданской трансформации» в пореформенной России [11, с. 79–80].

В части структуры и компетенции общественно-го управления в городах составители проекта закона о городском реформировании пытались обосновать необходимость последовательного проведения буржуазного принципа «разделения властей», то есть строгого разграничения исполнительной и распорядительной функций в рамках самоуправления ими. При этом претерпела изменения прежняя практика, при которой роль распорядительного органа играло собрание городского общества. Проект же предлагал утвердить структуру по образцу уже созданного в 1863 году общественного управления в Одессе. В нем распорядительные функции отводились «общей» думе, а исполнительные – «распорядительной». В обязанности общей думы входило обсуждение и вынесение приговоров по всем вопросам, находящимся в ведении городского управления;

контроль за действиями исполнительной власти, назначение должностных лиц; проверка списков городских избирателей. Распорядительная дума ведала текущими делами и была подконтрольна общей.

Некоторые положения проекта, касавшиеся компетенции органов городского самоуправления, на первый взгляд, представляются недостаточно логически последовательными. Основное противоречие заключалось в том, что, с одной стороны, распорядительная дума была подотчетна общей думе, а с другой стороны, наделялась правом опротестования ее постановлений, (если посчитает приговор первой не соответствующим букве закона). Тогда распорядительная дума должна была сделать заявление общей думе, а в случае ее отказа, изменить постановление, немедленно представив приговор на рассмотрение губернского начальства [12, с. 452–453]. Таким образом, получалось, что исполнительный орган наделялся несвойственной для него функцией надзора за распорядительным органом самоуправления. Кстати, это противоречие не было снято и в последующих вариантах проекта закона. Очевидно, что такой шаг для его составителей был вполне дальновидным. Цель, которая преследовалась в этом случае, – создание контроля за основным общественным органом – общей думой, как бы изнутри, со стороны исполнительного органа, то есть городской управы.

Говоря о других полномочиях органов общественного управления, необходимо отметить, что в проекте городской реформы нашла отражение так называемая «общественная теория местного самоуправления», в частности «хозяйственная». Она обосновывала необходимость исключения местных городских дел из сферы государственного ведения (в силу «перегруженности» ими государственных органов власти). Ее суть заключалась в том, что часть вопросов ведения городского хозяйства, касающихся исключительно местных интересов городского общества, относились к разряду дел «собственно общественных», а остальные принадлежали к разряду дел «правительство-административных». К последним были причислены: наблюдение за исполнением правил, установленных законом относительно торговли и промышленности; за исправным отправлением государственных и земских повинностей, лежащих на обывателях города, а также исполнение других обязанностей, порученных общественному управлению на основании особых уставов, положений и постановлений. К разряду дел «собственно общественных» относились: внутреннее устройство местного самоуправления; городское общественное хозяйство; внешнее благоустройство города; общественное благосостояние. Круг обязанностей каждого из них было достаточно широк. Так, например, в категорию дел «общественного благосостояния» входили: содействие в обеспечении населения продовольствием (открытие рынков, базаров); принятие мер против пожаров и других бедствий; охрана «народного здоровья» (устройство больниц, общественных садов, содействие полиции в проведении санитарно-гигиенических мероприятий); меры против нищенства (учреждение благотворительных заведений); по распространению народного образования (учреждение школ, училищ и музеев) и некоторые другие, которые приняли для городов форму закона в 1870 году [13, с. 57].

Функции контроля за действиями органов городского самоуправления должны были осуществляться представителями губернской администрации. Проектом предусматривалось право вмешательства в городские дела в следующих случаях: если распорядительной думе или городскому голове не удастся убедить общую думу изменить «несогласный с законами» приговор или само губернное начальство усмотрит нарушение закона в опубликованном думой постановлении, на действия городского общественного управления поступит жалоба, не подлежащая судебному разбирательству. Однако

даже в этих случаях губернская администрация не имела права собственной властью отменять распоряжения органов общественного управления (без согласования с соответствующими государственными органами власти). В свою очередь, думам также предоставлялось право обжалования распоряжений губернской администрации в Сенате [14, с. 224]. В предлагаемом порядке контроля за органами местного общественного управления авторы проекта реформы усматривали достаточную гарантию его хоть и весьма ограниченной, но все-таки имеющейся самостоятельности.

Во время обсуждения последнего варианта проекта закона 11 мая 1870 года на заседании Государственного Совета были рассмотрены два оставшихся наиболее спорными вопроса: о соединении обязанностей председателей городских дум и управ и об учреждении губернских присутствий по городским делам.

Сущность первого вопроса сводилась к следующему. Отныне предлагалось избирать два самостоятельных председателя: для общей и для распорядительной думы. Такая формулировка обосновывалась тем, что это позволило бы разграничить функции распорядительной и исполнительной властей на местах. Однако в окончательном варианте победила противоположная точка зрения. Эта линия получила свое закрепление в факте соединения обязанностей городского головы как председателя одновременно городской думы и управы [15, с. 55].

При обсуждении вопроса об учреждении губернских присутствий по городским делам было замечено, что он выходит за рамки решения проблемы, касающейся компетенции исключительно городского самоуправления (хотя фактически он был призван регулировать порядок подчиненности органов общественного управления правительственным учреждениям на местах). Тем не менее, отмечалась несомненная важность постановки данного вопроса, так как с образованием самостоятельных высших органов управления губернские по городским делам присутствия были призваны решать все возникающие между органами управления и судебно-исполнительными органами власти споры. В новейшей литературе существует точка зрения, что создание губернского по городским делам присутствия воспринималась со стороны правительственных властей как мера, которая не только не ограничивала самостоятельность местных органов самоуправления, но, напротив, защищала муниципальную власть от произвола со стороны губернской администрации [16, с. 17].

Итак, весь ход подготовки и введения в жизнь закона под названием «Городовое положение» 1870 года, несмотря на затянувшийся процесс обсуждения, был несомненным шагом вперед по сравнению с дореформенным городским общественным устройством. В результате его реализации городские общественные органы (городские дума и управа) наделялись правом самостоятельного решения многих хозяйственных и социально-культурных вопросов.

Проанализировав такую его важнейшую составляющую, как избирательный закон, важно подчеркнуть, что в нем впервые в истории нашей страны был продекларирован принцип всеобщности. В соответствии с ним, в городском общественном управлении имели право принимать участие все постоянные жители города, являющиеся владельцами недвижимости или несущие какие-либо повинности. Однако провозглашенный верховной властью принцип «соразмерности участия в управлении размеру уплачиваемых налогов» (то есть деление избирателей в соответствии с их имущественным положением) изначально устанавливал фактическое неравенство избирателей в праве их фактического участия в органах местного самоуправления. Это имело своей целью ограничение доступа в них малоимущих горожан, представителей самого многочисленного социального слоя, и в то же время, наиболее образованного и передового, так

называемой разночинной интеллигенции. На этот явный недостаток городской реформы указывали все, начиная с современников событий, то есть представителей преобразованного городского самоуправления, заканчивая современными исследователями.

Структурная организация системы местного общественного управления опиралась в своей основе на другой буржуазный принцип «разделения властей», то есть строгого разграничения исполнительной и распорядительной функций в рамках процесса самоуправления. При этом претерпела значительные изменения прежняя практика, когда роль распорядительного органа играло собрание городского общества. Отныне эта функция переходила в «руки» гласных городской думы. В ее обязанности входило: обсуждение и вынесение приговоров по всем вопросам, находящимся в ведении городского управления; осуществление контроля за деятельностью органов исполнительной власти и назначением должностных лиц; проверка списков городских избирателей. Городская управа как исполнительный орган местной власти ведала текущими делами и была подконтрольна городской думе. При этом ее члены имели право опротестовать решения распорядительного органа, то есть городской думы, если они считали, что ее гласные нарушают букву закона.

Еще одним существенным ограничением полномочий городских органов самоуправления был установленный правительственный надзор за их деятельностью со стороны губернского по городским делам присутствия и губернской администрации, являвшимися представителями высшей административной власти на местах.

Некоторые реальные возможности самостоятельного механизма их функционирования находились в хозяйственной сфере местного благоустройства, а также в сфере решения некоторых социальных и культурных вопросов общественного благосостояния горожан. Исследование этих направлений в деятельности городских органов управления на местах (в региональном аспекте) будет продолжено автором в последующих публикациях.

Таким образом, изучение и анализ заявленной проблемы показали, что закон 1870 года, несмотря на свой в целом прогрессивный характер, нес в себе целый ряд противоречий, которые были исторически закономерны и обусловлены. Это хорошо прослеживается в контексте изменений в трех проектах закона, происходивших на протяжении восьми лет в процессе его подготовки. Это объяснялось тем, что правительство осознавало необходимость в децентрализации системы управления на местах на просторах огромной Российской империи, но в то же время оно опасалось решительных и радикальных преобразований. Именно в осмыслении данного конкретного исторического опыта и заключается, на наш взгляд, актуальность исследуемого вопроса. Заметим, что многие аспекты проблемы местного городского самоуправления остаются актуальными и по сей день. В этом смысле изучение, анализ и переосмысление может быть не только полезным, но и в какой-то степени и поучительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нардова В.А. Городское самоуправление в журналистике 70-80-х гг. XIX века // Общественная мысль в России XIX в. Л. : Наука, 1986. 202 с.
2. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. / Правительственная политика. Л. : Наука, 1984. 214 с.
3. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. I. СПб. : Изд. Хоз. доп. Мин-ва внутр. дел, 1877. 564 с.
4. Борисов А.В. Из истории становления городского самоуправления // Известия ПГПУ. Сектор молодых ученых. 2007. № 3 (7). С. 91–94.
5. См. подробнее: Городовое положение с объясне-

ниями, высочайше утвержденное 16 июня 1870 года. СПб. : Хоз. департ. МВД., 1873. 240 с.

6. Гессен В.М. Городское самоуправление : дополнение к курсу русского государственного права. СПб. : Литография изд. кассы взаимопомощи студ. С.-Петербур. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1912. 27 с.

7. Материалы, относящиеся до нового общественно-го устройства в городах империи. Т. II. СПб. : Изд. Хоз. доп. Мин-ва внутр. дел, 1877. 557 с.

8. Семенов Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб. : Электро-Тип-фия Н.Я. Стойковой, 1901. 587 с.

9. Материалы, относящиеся до нового общественно-го устройства в городах империи. Т. III. СПб. : Изд. Хоз. доп. Мин-ва внутр. дел, 1877. 600 с.

10. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города : историко-статистический очерк. Самара : Губ. тип-фия. Изд-е Самарского статистического комитета. 1887. 774 с.

11. Летняков Д.Э. Упущенные возможности Великих реформ, или почему в России XIX в. проиграла гражданская альтернатива? // Каспийский регион: политика,

экономика, культура. 2009. № 2 (19). С. 75–80.

12. Свод законов Российской империи повелением государя Императора Николая первого составленный. Т. 2. Ч. 1. СПб. : Типография II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1876. 499 с.

13. Великие реформы в России. 1856-1874 гг. / под ред. Л.Г. Захаровой и др. М. : Изд-во МГУ, 1992. 130 с.

14. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая школа, 1983. 344 с.

15. Захаров А.К. Правовой статус органов городского самоуправления в Российской империи пореформенного периода [Электронный ресурс] // Теория и история права и государства. С. 55–57. URL: /http://www.novardf.com.

16. Бойко Н.С. Характер и направленность государственной политики по отношению к органам городского самоуправления и земским учреждениям в период проведения земской и городской реформы XIX века // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 14–18.

DRAFT MUNICIPAL GOVERNMENT REFORM IN RUSSIA (1862-1870)

© 2014

G. Y. Burdina, Candidate of historical sciences, associate professor of Department of the Russian Language, Literature, Artistic and Aesthetic Disciplines and Their Teaching Methodology
State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The article describes the process of drafting out and adopting the law «Municipal Provisions» of 1870 in brief. The paper considers the process of its discussion during the eight years before the law was approved. The author characterizes the government's views of the electoral system, of the structure of the municipal government, their main functions.

Keywords: municipal reform; municipal government; after-reform period; “Municipal Provisions” law of 1870; suffrage law; municipal voters; commons; city council; municipal council; mayor; city community .

УДК 33/332

ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ ИСАКЛИНСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2014

О.В. Воробьева, старший преподаватель кафедры химии, географии и методики их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Рассматривается структура сельскохозяйственных угодий Иса克林ского района. Дается характеристика деградационным процессам на территории района.

Ключевые слова: деградация; климат; рельеф; эрозия почв; засоление; переувлажнение; Самарская область.

Качественное состояние сельскохозяйственных угодий определяется видами современных, преимущественно природнопредопределяющих, ландшафтоформирующих процессов, отрицательно влияющих на сельскохозяйственные свойства земель, и интенсивностью их проявления. На сельскохозяйственных угодьях Иса克林ского района среди таких негативных процессов наиболее яркое проявление имеют эрозия, засоление, локальное переувлажнение.

Иса克林ский район расположен в северо-восточной части Самарской области. Общая площадь муниципального образования 1577 км², что составляет 2,94% территории Самарской области. Общая протяженность границы 314 км. Протяженность с севера на юг – 62 км, с запада на восток – 52 км [1, с. 12].

Рельеф – территория относится к области «Высокого Заволжья» с типичным для нее расчлененным холмисто-увалистым, древне-эрозионным рельефом. Равнины с узкими выложенными вершинными поверхностями и короткими пологими слабо расчлененными склонами междуречий, с террасированными долинами рек, крупными балками и густой сетью глубоко врезанных оврагов, отчего местность имеет сильно волнистый характер.

Район находится в пределах умеренно-континентального климата с холодной довольно продолжительной зимой и умеренно жарким летом. Среднегодовая температура воздуха составляет +4 °С. При средней температуре зимой в –14 °С, сильные морозы в декабре, январе и феврале доходят до –30 °С, –40 °С. Среднегодовое количество осадков – 425–480 мм, наибольшее их количество – 250–300 мм в теплый период года (апрель-октябрь). Преобладающие направления ветров – юго-восточное, высота снежного покрова – 50–60 см.

По почвенному районированию территория относится к лесостепи высокого Заволжья. Территория сложена древними пермскими отложениями с преобладанием известняков и доломитов, что обусловило широкое распространение здесь остаточного-карбонатных щебневатых и каменисто-щебневатых чернозёмов, составляющих около 40% почвенного покрова района, а также серыми лесными и в основном черноземами – выщелоченные, типичные, остаточного-луговые. Механический состав почв района является глинистым и тяжелосуглинистым, часто с включением обломочного материала в виде щебня и камня. Местами встречаются почвы среднесуглинистого состава, сформированные, в основном, на почвообразующих породах, слабо затронутых процессами